

что в эпизоде об антском князе Боже содержится приблизительная дата, когда уже существовал антский племенной союз, а именно конец IV — начало V в., и намечается территория этих антов — близ берегов р. Эрака, т. е. Днепра (нижнего); что на рубеже V столетия днепровские анты входили в число союзников гуннов; что тогда же остроготы, будучи покорены гуннами, в какой-то мере подчинялись антам.

Свидетельства Иордана о попытках остроготов, уже покоренных гуннами, вернуть себе независимость, об их походе на антов и об их окончательном поражении на р. Эрак гуннским предводителем Баламбером являются единственными и никак, при современном количестве и содержании сохранившихся источников, не могут быть ни сопоставлены с другими материалами, ни проверены.

Более того, факты, приводимые Иорданом и анализированные здесь выше, не упомянуты современником событий Аммианом Марцеллином, и даже как будто расходятся с его данными. У Аммиана преемником Германариха назван Витимир, погибший в битве с аланами, а преемником Витимира — малолетний Витерих, о Винитарии же, герое Иордана, нет ни слова⁶¹. Это, по-видимому, привело такого знатока истории германских племен, каким был Людвиг Шмидт, к мысли о том, что «привязанные к Германариху короли Винитарий, Хунимунд, Торисмуд измышлены»⁶², что рассказы Иордана в большей части не отражают оригинальной готской традиции, но являются «выдумкой Кассиодора»⁶³. Едва ли с таким мнением можно безоговорочно согласиться. Конечно, Аммиан Марцеллин принадлежит к серьезнейшим историкам своего времени, будучи и современником, и иногда свидетелем событий, которые он описал. Но он — как, например, и Прокопий — хуже другого знал о судьбах племен в Причерноморье и к северу от Дуная. Представляется вероятным, что его сведения не могли быть полными: нашествие гуннов раскидало готов, разделило их на оторванные друг от друга части, и проследить историю каждой отдельной группы было невозможно даже для современника. В изложении Аммиана различаются и переплетаются многие, порой не совсем отчетливые группы готов. Он называет готов «оптиматов» Сверида и Колии, группу Алавива и Фритигерна, группу Фарнобия, группу Алафея и Сафрака, наконец — вообще «*Gothorum reliquae gentes*». Ничто не мешает предположить, что Иордан, со своей стороны, в соответствии с близкой ему традицией, описал историю еще одной подобной группы.

Апокрифичность сообщений Иордана, о которой столь решительно заявил Л. Шмидт, невозможно доказать, тем более что некоторые из сведений, записанных Иорданом, перекликаются со сведениями, находимыми у Аммиана (у обоих упомянуты Фритигерн, Алафей и Сафрак, оба одинаково отразили состояние Германариха перед смертью). Кроме того, те именно события, о которых нет речи в сочинении Аммиана, затруднительно счесть вымыслом, так как они вовсе не носят характера восхваления, не содержат в себе ничего прославляющего готов, и, следовательно, они не тенденциозны (победа над антами не принесла готам свободы, сражение с гуннами — да еще в определенном географическом районе, вовсе, так сказать, не «готском»! — принесло готам поражение). На фоне таких соображений особенно выделяется, как выдающееся по интересу для любого

⁶¹ Г. Вернадский (*G. Vernadsky. Ancient Russia*, p. 121) допускает, что преемник Германариха имел два имени: Винитарий — готское имя, отмеченное Иорданом, Витимир — славянское имя, отмеченное Аммианом. Таким образом, свидетельства обоих писателей могут относиться к одному лицу.

⁶² L. Schmidt. *Geschichte...*, S. 253.

⁶³ *Ibidem*.